

— Брат Цзян, а эти двое кто? — спросил Мао Сяофэй, проглотив рис и блестя жирными губами.

— Твои будущие коллеги, — сказал Цзян Лэ.

Свет был не слишком ярким, но, подойдя ближе, Мао Сяофэй всё равно разглядел, до какой степени исхудали Ло Мянью и Кун Шуя. Стоило в нём шевельнуться сочувствию, и коробка с едой в руках мгновенно перестала казаться такой уж вкусной.

— Это... ну... вы ведь не ужинали? Я сейчас куплю вам две порции!

Он уже собирался развернуться и побежать к автомату с товарами, но Цзян Лэ его остановил:

— Им это нельзя. Позже я отдельно приготовлю им поесть.

Людам, долго жившим в голоде, нельзя сразу возвращаться к нормальной пище и тем более много есть за один раз. Им нужна лёгкая, хорошо усваиваемая еда без жирного и постепенное восстановление. В лучшем случае резкий переход вызовет недомогание, в худшем может даже стоить жизни.

Коробка с едой в руках Мао Сяофэя тоже беспощадно разбудила аппетит у Кун Шуи и Ло Мянью, а пустота в животе почти заставляла ноги подгибаться, но Цзян Лэ был прав: сейчас такая еда им не подходила.

После того как они увидели саму ферму и то, что ел Мао Сяофэй, тревога, державшаяся всю дорогу сюда, понемногу рассеялась. Пусть они недолго испытывали нехватку пищи, страх, который несёт такой голод, всё равно въедался глубоко в кости. Увидев своими глазами, насколько богата припасами эта ферма, они оба, даже если бы Цзян Лэ не предложил им остаться и работать, ради выживания всё равно были готовы с бесстыдной настойчивостью задержаться здесь.

Цзян Лэ привёл их обратно в старый дом семьи Цзян. Волчонок вернулся туда на шаг раньше и теперь лежал во дворе на своей лежанке для питомца в форме ананаса. Днём она стояла под навесом галереи, но вечером, когда приходило время спать, волчонок сам тащил матрасик в спальню и укладывался возле кровати Цзян Лэ.

Неизвестно, потому ли, что, когда он был совсем маленьким, Цзян Лэ несколько раз держал его во сне на руках, или потому, что спать с Цзян Лэ на одном уровне в его понимании означало равный статус, но иногда волчонок пытался запрыгнуть на кровать и улечься рядом. Только Цзян Лэ ему не позволял, и каждый раз они некоторое время перетягивали канат.

Сейчас, увидев, что Цзян Лэ привёл с собой двух хилых людей, волчонок просто отвернул голову с таким видом, будто раз не видит, значит, и раздражаться не о чем.

Цзян Лэ усадил Кун Шуя и Ло Мян в главной комнате за квадратный стол басянь[1], а сам прошёл на кухню, разжёл очаг, вскипятил воду и сварил для них по миске лёгкой постной лапши на бульоне, с яйцом-пашот и зеленью.

Когда лапшу поставили на стол, от мисок поднялся горячий пар. Оба взяли палочки и с шумом начали втягивать лапшу, едва не зарываясь лицами прямо в миски.

Кун Шуя ела и незаметно роняла слёзы. Вкус еды, конечно, мог успокоить желудок и селезёнку, долго измученные голодом, но настоящее облегчение духу принесло другое: они вырвались из-под давления и увидели надежду на будущую жизнь.

Слишком долго они в страхе прятались в тесном пространстве. Их свобода сузилась до предела, права у них отняли. Они уже думали, что никогда больше не смогут жить нормально. Даже сейчас оставался крохотный страх: вдруг эта миска горячей лапши всего лишь предсмертное видение, а стоит открыть глаза, и они снова окажутся среди бродящих зомби, в кольце мутировавших растений.

Выпив последний глоток бульона, они один за другим отложили миски и палочки и растерянно посмотрели на Цзян Лэ, будто ждали приговора.

Только когда Цзян Лэ достал те самые правила для работников, которые когда-то давал Мао Сяофэю, и велел им подписать, они поспешно пробежали глазами несколько строк и каждый поставил своё имя. Увидев, что Цзян Лэ улыбнулся, они наконец на короткое время почувствовали, как внутренняя тревога наконец обрела почву под ногами.

— Всё. Возвращаемся на ферму. Общежитие для работников там. С завтрашнего дня официально приступаете к работе. Сейчас большую часть дел на ферме делает Мао Сяофэй, поэтому вам достанется не так много. Если во время работы что-то будет непонятно, спрашивайте у него.

Кун Шуя и Ло Мян снова пошли за Цзян Лэ на ферму. Небо уже полностью стемнело, и только под навесом общежития для работников горела масляная лампа, служившая крохотным ориентиром в темноте.

Цзян Лэ отвёл их на второй этаж. На дверях двух прежде пустовавших комнат уже появились их имена: Кун Шуя и Ло Мян. Они открыли двери. На маленьких кроватях лежало по тонкому одеялу, как раз подходящему для горной погоды. Всё выглядело чистым и тёплым.

Цзян Лэ не стал задерживаться и поручил Мао Сяофэю дальше их устроить.

Мао Сяофэй сначала спустил их на первый этаж, зажёл масляную лампу в умывальной, накачал ведро воды из ручного колодца, затем указал на простой очаг в углу, сложенный из камней:

— По вечерам сейчас прохладно. Если потом захотите умыться или помыться, можно тут немного подогреть воду.

При словах о мытье Ло Мянью и Кун Шуя разом покраснели. Они уже давно не мылись, и от тела неизбежно шёл запах.

Но Мао Сяофэй выглядел как ни в чём не бывало. Он сначала помог им подложить дров и поставить воду греться, потом подошёл к автомату с товарами, купил для них полотенца, зубные щётки и пасту, а заодно объяснил:

— У нас на ферме зарплата рассчитывается каждый день. Завтра вечером у вас уже будут деньги, сможете сами покупать здесь вещи.

Горячая вода смыла грязь и усталость, а вместе с ними вернула обоим чувство человеческого достоинства.

Мао Сяофэй не лёг сразу. Он дождался, пока сверху послышатся их шаги.

Хотя он не спрашивал, через что они прошли, примерно догадаться было нетрудно. И заодно он подумал: если бы не Цзян Лэ, он сам, скорее всего, стал бы таким же, как они, а может, и вовсе не дожил бы до сегодняшнего дня.

Мао Сяофэй подошёл к двери и сказал последнюю за этот вечер фразу:

— Спи спокойно. Здесь безопасно.

* * *

Цзян Лэ проигнорировал волчонка, который таскал по полу матрасик туда-сюда, и сказал ему:

— Я сейчас войду в пространство. Ты со мной или останешься снаружи?

Услышав это, волчонок отпустил матрасик и приподнял шею: мол, пойдёт с ним.

Однажды Цзян Лэ не спросил, и, увидев, как тот исчез на месте, волчонок едва не разнёс кровать в комнате.

Хозяин и питомец вошли в пространство.

Цзян Лэ, как обычно, проверил текущее состояние всех частей фермы.

Главной переменной за день стал найм ещё двух работников. Теперь штат из трёх работников фермы был полностью набран, и столовая для работников, которая прежде не могла разблокироваться, наконец получила статус «можно разместить». Но Цзян Лэ пока не спешил этим заниматься.

Опыт фермы уже почти накопился до повышения на 3-й уровень. Тогда и масштаб, и новые постройки наверняка изменятся. Столовую для работников и прочие объекты проще будет построить уже вместе с остальным.

Но прежде чем ферма сможет повысить уровень, сам Цзян Лэ и волчонок должны были подняться соответственно до 4-го и 3-го уровней.

Личный опыт Цзян Лэ заполнился ещё несколько дней назад. Волчонку оставалось немного, но это был вопрос ближайших двух дней.

Цзян Лэ не знал, сколько именно времени займёт его нынешнее повышение, но уж точно не меньше трёх дней. Сейчас волчонок уже не мог усидеть в пространстве. Если повышение Цзян Лэ растянется на много дней, всё это время снаружи некому будет его сдерживать, и Цзян Лэ боялся, что тот устроит неприятности.

Хотя волчонок уже не скалился на Мао Сяофэя без причины, Цзян Лэ считал, что это не потому, что он перестал его ненавидеть. Просто волчонку было лень каждый раз тратить силы и скалиться на человека, которому всё равно суждено снова и снова появляться в его жизни.

Просить Мао Сяофэя кормить волчонка, пока Цзян Лэ повышает уровень, было ещё большей фантазией. Если бы не присутствие Цзян Лэ, волчонок, пожалуй, с радостью сожрал бы Мао Сяофэя.

Поэтому, всё взвесив, Цзян Лэ решил взять волчонка на повышение уровня вместе с собой. Даже если волчонок проснётся раньше, по крайней мере, он будет рядом с ним в пространстве.

А способом гарантировать, что волчонок за эти два дня сможет повысить уровень, было кристаллическое ядро кровавой лозы.

Волчонок давно на него облизывался, так что энергия внутри явно должна была принести ему большую пользу.

Рано утром следующего дня Цзян Лэ сначала пришёл на ферму и сказал работникам, что в ближайшие несколько дней временно покинет ферму. Срок возвращения неизвестен, но, скорее всего, в пределах недели.

Мао Сяофэй уже привык к такому:

— Брат Цзян, иди. Я тут присмотрю.

С Мао Сяофэем Цзян Лэ действительно был гораздо спокойнее. К Кун Шуе и Ло Мянью такого доверия пока не было, но он не опасался, что они смогут причинить ферме какой-то вред.

Подготовившись, Цзян Лэ взял волчонок и из старого дома семьи Цзян вошёл в пространство.

Днём волчонок обычно входил в пространство без особого интереса. Но когда увидел, как Цзян Лэ достал со склада кристаллическое ядро кровавой лозы, его глаза тут же впились в него.

Цзян Лэ покачал ядром перед волчком:

— Хочешь съесть?

Волчонок доказал своё желание делом: бросился вперёд и ткнулся к ноге Цзян Лэ. Если бы не гордость зверя-мутанта, он, наверное, уже и хвостом бы замахал.

Цзян Лэ положил ядро на ладонь, позволяя ему слизнуть.

Он думал, что после накопленного за это время опыта и укрепления телосложения волчонок будет нетрудно проглотить это ядро. Но неожиданно, хотя теперь волчонок уже не обжигался о кристаллическое ядро кровавой лозы, как при первой попытке, тёмно-зелёное ядро всё равно долго не поддавалось его зубам.

Он перекачивал его с левой стороны на правую, с передних зубов на задние, пока ядро с резким звуком не вылетело из пасти волчонок и не ударилось о стену маленького домика.

Ядро на месте с треском раскололось на четыре-пять кусков, а из середины выпала маленькая светло-золотая вещица.

Волчонок яростно зарычал и хотел броситься дальше сражаться, но Цзян Лэ первым поднял эту светло-золотистую мелочь.

Системная подпись к золотистой вещице гласила: «Семя кровавой лозы 2-го уровня».

Значит, семя кровавой лозы пряталось внутри её кристаллического ядра. Неудивительно, что сначала ядро было так трудно проглотить.

Цзян Лэ смотрел, как волчонок загребаёт в пасть оставшиеся осколки ядра. На этот раз больше не было ни реакции, будто ему обожгло рот, ни вида, словно ядро укусило его в ответ. К семени кровавой лозы в руке Цзян Лэ он тоже особого интереса не проявил.

Хотя кристаллическое ядро кровавой лозы разбилось, энергии в нём всё равно оставалось много. Уже через несколько минут после того, как волчонок его проглотил, появились признаки повышения уровня. Он изо всех сил пытался сохранять ясность, но всё же не смог сопротивляться реакции тела. На него навалилась сильная сонливость, волчонок медленно лёг на месте и вошёл в спячку повышения.

Увидев это, Цзян Лэ пока убрал семя кровавой лозы, поднял волчонка, отнёс в маленький домик и уложил в угол кровати. Затем сам сел на кровати, скрестив ноги, и по собственной воле запустил процесс повышения до 4-го уровня.

Целых пять дней спустя, пережив знакомое разрывание и перекраивание тела, Цзян Лэ открыл глаза.

Рядом с ним волчонок, неизвестно когда проснувшийся раньше, не мигая смотрел на него.

Впрочем, теперь называть его волчонком, пожалуй, было уже не совсем точно. Зверь-мутант 3-го уровня полностью вышел из состояния волчьего детёныша. Прозрачно-голубые глаза, серо-чёрная блестящая шерсть; высота в холке и длина тела уже сопоставимы с самым крупным североамериканским серым волком в прежнем представлении Цзян Лэ. Когда голова наклонилась к нему, она казалась в несколько раз больше головы Цзян Лэ. Даже его аура стала, казалось, спокойнее и отчуждённее.

Увидев, что Цзян Лэ проснулся, волк поднялся. С каждым шагом вперёд давление, исходящее от него, становилось всё заметнее.

Пока он не остановился рядом с Цзян Лэ, вытянул огромную волчью лапу и...

Нетерпеливо несколько раз похлопал ею по краю кровати.

Этот знакомый жест, которым он требовал молока, мгновенно развеял весь прежний царственный, грозный ореол.

Цзян Лэ замолчал. Он не понимал, чего именно только что успел себе навообразить и наожидаться.

[1] Басянь — традиционный китайский квадратный стол, рассчитанный на восемь человек.